

Александр Верховский

Динамика насилия в русском национализме*

Идеологически мотивированное насилие в том или ином движении имеет, по меньшей мере, три источника: агрессивность самих участников, политические и идеологические установки, легитимирующие или даже предписывающие применение насилия, и определенное коллективное целеполагание – кого и с какой целью следует бить. Без последнего компонента возможны разве что разрозненные нападения как проявление личной инициативы. Без определенных установок насилие оказывается внутренне – более или менее эффективно – цензурированным. Ну, а без первого компонента оно вообще невозможно; впрочем, достаточно агрессивные активисты найдутся почти в любом движении.

Движение русских националистов, как мне уже доводилось ранее писать, претерпело в конце 90-х годов серьезную трансформацию: имевшиеся ранее течения, мало практиковавшие насилие, оказались в серьезном кризисе и были если не смыты, то потеснены и трансформированы волной наци-скинхедского движения, как раз полностью ориентированного на насилие¹. Не то чтобы движение в целом стало скинхедским, но оно очень сильно изменилось, и в первую очередь изменилось в нем место насилия, которое стало уже не преимущественно гипотетическим жупелом, этаким предполагаемым козырем в рукаве, а самой известной вовне и самой популярной внутри движения формой политической деятельности.

Рост уличного насилия, конец 80-х – начало и середина 2000-х

Конечно, некоторые русские националисты не пренебрегали силовыми акциями с самого момента выхода из подполья и полуподполья советских времен на политическую сцену «перестройки», а уж кровавых выступлений было просто не счесть. Но акции эти были очень редкими и довольно «вегетарианскими». Например, мне довелось быть свидетелем знаменитого в тот период «погрома» в Центральном доме литераторов в 1990 году: на собрании писательской организации «Апрель» одна из групп «Памяти» во главе с Константином Смирновым (Ос-

* Статья ранее публиковалась в сборнике *Россия – не Украина: современные акценты национализма* (М.: Центр «Сова», 2014).

¹ Эта тема, среди прочих, обсуждается в: Верховский А. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. № 1. С. 11-35.

ташвили) устроила скандал. Протекал этот скандал преимущественно в вербальной форме, никаких избиений там не было, хотя и произошла пара потасовок; К. Смирнов отличался, действительно, немалой вспыльчивостью, но все-таки погром группа из нескольких человек в полном зале устроить и не могла бы².

Все изменилось с момента ликвидации СССР и начала либеральных экономических реформ. Массовые протесты, организуемые коммунистами при участии националистов, а затем и нарастающий вал конфликтов, в том числе в формате полномасштабной войны, на территории бывшего СССР и на Балканах создали среду, в которой радикальные течения были ориентированы в первую очередь на подготовку к масштабному силовому противостоянию с «режимом». Соответственно, активисты организаций радикальных националистов всех идейных направлений участвовали в уличных столкновениях, ездили добровольцами на разные войны (в Приднестровье, потом в Боснию и т.д.) или помогали отправлять туда других, а также в ожидании подходящего политического момента формировали что-то вроде боевых дружин. Конечно, время от времени члены таких «дружин» совершали насильственные акции, их объектами становились проповедники новых религиозных движений и непопулярных этнических меньшинств (но это случалось преимущественно в казачьих регионах Юга России). Были попытки подготовить политические теракты, но эпизодические и крайне неудачные³.

Поражение в «малой гражданской войне» (а почти все русские националисты входили тогда в антиельцинскую коалицию) в сентябре-октябре 1993 года никак не затормозило развитие этой тенденции. Наоборот, господствовало представление, что подобные события могут повториться снова, но с другим исходом.

В середине 90-х годов в динамичной среде русских националистов практически доминирующее положение заняло Русское национальное единство (РНЕ) Александра Баркашова. РНЕ выросло тогда до впечатляющей численности около 15 тысяч человек. Организация строилась как военизированная, почти полностью ориентированная не на текущую политическую борьбу в каких бы то ни было формах, а на подготовку к грядущему «часу X» (что, кстати, дурно влияло на мотивацию молодых членов РНЕ, которые «часа X» долго ждать не могли, и стало одной из причин кризиса организации, увенчавшегося ее распадом в 2000 году)⁴. Конечно, случаи применения идейно мотивированного насилия со стороны членов РНЕ бывали и после октября 1993 года, но руководство организации

² Влиятельные писатели добились возбуждения уголовного дела. И этот процесс был важен для противостояния экспансии радикального национализма в публичную сферу. Смирнов был осужден на три года лишения свободы и покончил с собой в заключении.

³ Такие организации перечислены в: Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 51-54.

⁴ Подробнее об РНЕ см.: Лихачев В., Прибыловский В. Русское Национальное Единство, 1990-2000. 2 тт. Stuttgart, 2005; Соколов М. Русское Национальное Единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации // Политические исследования. 2006. № 1. С. 67-77.

систематически отмежевывалось от таких членов, поскольку их несдержанность мешала стремлению к стратегической цели.

На примере РНЕ и Русской партии Владимира Милосердова уже в середине 90-х годов можно было наблюдать многие насильственные практики⁵, актуальные и донныне. (Кое-кто из криминальных персонажей 90-х даже сохранился в сегодняшней политике, к примеру, Николай Бондарик.) Активисты этих и подобных группировок совершали спонтанные нападения, в которых расистский мотив присутствовал, но не лежал в основе спланированной атаки. Они активно занимались сугубо криминальной деятельностью типа «крышевания» и рэкета и охотно придавали и этому бизнесу расистскую окраску (но в реальности не были строго избирательны). Они совершали нападения на других националистов и даже убивали их – по самым разным поводам, тем более, они нападали на антифашистов и представителей религиозных меньшинств. Они участвовали в разного рода патрулировании под эгидой местных властей и милиции. Они проводили специальные мероприятия против «общественных пороков» – вместе с милицией или сами по себе нападали на реальные и предполагаемые точки организации проституции и торговли наркотиками. И эта brutальная общественная активность сопровождалась не только явным самоуправством и насилием, но и «крышеванием» тех самых объектов противодействия.

Конечно, масштаб этих действий был несравним с 2000-ми, но для тогдашнего российского общества новости такого рода были шокирующими, и потому общественные активисты требовали от властей адекватного уголовного преследования с учетом мотива этих преступлений. Однако как раз адекватного уголовного преследования ни тогда, ни даже еще в начале 2000-х почти не было.

Между тем в середине 90-х в России возникает и начинает быстро наращивать численность движение наци-скинхедов⁶. Эта глубоко анархическая по внутреннему настрою среда почти полностью отвергала участие в мирной политике; молодые люди (в большинстве – подростки) не желали больше прислушиваться к авторитету известных вождей националистов и вообще к «авторитету взрослых»: не желали ждать, когда созреют условия для каких-то успехов. В идейном плане они, хотя и называли себя часто национал-социалистами и боготворили Гитлера, выступали как современные им западноевропейские и американские боевые белые расисты. Соответственно, они не просто чаяли своей «белой революции», они полагали, что ее надо начинать делать «здесь и сейчас». И это предполагало постоянное насилие против «врагов расы», которое каждый должен был осуществлять вне зависимости от политической обстановки и чьих-то призывов. Соот-

⁵ Впервые факты были собраны в написанной В. Прибыловским и В. Лихачевым главе «Национал-радикалы как уголовная угроза обществу» в: Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия: радикальные группы, представления лидеров, роль Церкви. М., 1999. С. 50-59.

⁶ См. о них подробнее в: Тарасов А. Бритологовые // Дружба народов. 2000. № 2; Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002. С. 108-136.

ветственно, изменился и стиль поведения: если раньше молодые праворадикалы стремились быть «солиднее» под руководством вождей или, если сами были вождями, стремились походить на «старших товарищей», то в скинхедской среде культивировалось сугубо подростковое поведение, сдерживать свои порывы, тем более порывы к насилию, считалось просто зазорным. Наци-скинхеды, конечно, опирались на определенные идеологические построения, хотя и разные, у них имелись и представления о чаемом будущем России, хотя тоже разные – но они уделяли внимание не раздумьям и спорам на эти темы и даже не пропаганде, а в первую очередь именно насилию. Конечно, в этом было много подросткового задора, но, надо признать, они далеко не первые, кто считает, что практика насилия сама по себе является содержательным политическим действием.

Количественные данные, которые могли бы представить динамику расистского насилия в конце 90-х и начале 2000-х годов, к сожалению, никто не систематизировал, но мониторинг, который более или менее систематически проводил в те годы Центр «Панорама», однозначно указывал, что уровень этого насилия постоянно рос. А когда в 2001–2002 годах в Москве банды наци-скинхедов провели несколько масштабных атак на уличные рынки, проблему заметила и широкая общественность (но еще не власти). Успехи насильственной практики при откровенной деградации политических движений русских националистов должны были внушать наци-скинхедам немалый оптимизм. И этого оптимизма хватило если не до конца десятилетия, то, по крайней мере, до 2007–2008 годов.

Новые политические движения националистов в этот период формировались все на той же скинхедской основе, даже если претендовали на умеренность и легальность. Основной такой организацией было Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) Александра Белова. Сам Белов, выходец из классической черносотенной по идеям и стилю «Памяти» Дмитрия Васильева, пытался и пытается стать уважаемым ультраправым политиком и не демонстрировать приверженности к насилию. Но удавалось это всегда неважно – и не столько из-за личных качеств лидера, сколько из-за неисправимого качества почти всего актива. Иначе говоря, переход части взрослых наци-скинхедов «в политику» отвращал от насилия далеко не всех, зато такие политические организации немедленно становились защитниками тех, кто не отошел от идеалов «прямого действия». ДПНИ, ныне влившееся в объединение «Русские», активно защищает тех, кто на таком действии попадает⁷.

Поскольку скинхедская среда по субкультурной сути своей – молодежная, в ней наблюдалась быстрая ротация кадров. Впрочем, дело не только в субкультурности – уже во второй половине 2000-х можно было видеть, как новая генерация молодых праворадикалов не идет больше в скинхеды (и даже напротив, выбирает *straight edge*); субкультурные моды преходящи. Но все радикальные среды в Рос-

⁷ Многочисленные подтверждающие факты можно найти в каждом ежегодном докладе Центра «Сова».

сии в значительной степени молодежные, и радикалами после 22-23 лет остаются не столь многие. Эти соображения могли внушать некий осторожный оптимизм, что расистское насилие – чисто возрастной феномен, завязанный к тому же на определенные моды, и потому скоро ослабнет. Но никакого ослабления не происходило. Все больше «возрастных» бойцов оставалось в движении, привнося в него опыт, наработанные социальные связи и склонность к более решительным и технически подготовленным действиям (в качестве примера можно рассматривать группировку Николая Королева, организовавшую серию взрывов, включая взрыв на Черкизовском рынке 21 августа 2006 г.)⁸.

Впрочем, даже без изменения среднего возраста насилие со временем становилось бы более квалифицированным – просто из-за масштаба и плотности среды, все время обсуждающей технику насилия. В начале 2000-х основными средствами атаки оставались кулаки и тяжелые ботинки, а к концу десятилетия совершенно обычными средствами стали нож и травматический пистолет. Взрывчатка тоже использовалась все чаще, но ее все же довольно сложно изготовить, да и купить может не всякий. Огнестрельное оружие применялось и применяется редко: оно дорого и его легко идентифицировать.

Количество жертв неуклонно росло. К сожалению, невозможно представить никакие абсолютные показатели, которые представили бы масштаб этой беды. В России нет официальной статистики преступлений ненависти, есть только официальная статистика уголовных дел, в которых мотив ненависти учтен в той или иной форме, что отражает динамику даже не преследования за преступления ненависти, а скорее динамику адекватной их юридической квалификации. Латентность преступлений ненависти (и в целом, и особенно как таковых) при этом остается очень высокой. Таким образом, при оценке динамики расистского насилия лучше полагаться на данные Центра «Сова»: они носят предварительный характер, юридически не сопоставлены с квалификацией обвинения (если таковое вообще было) и заведомо многократно неполны (и мы даже не знаем, во сколько раз). Но зато эти данные собираются по довольно стабильной методике, так что по ним можно судить о наиболее очевидных трендах⁹.

Итак, расистское и иное идеологически мотивированное насилие ультраправых неуклонно нарастало в течение всего обсуждаемого периода и достигло пика в 2007–2008 годах¹⁰. По данным Центра «Сова», систематически собираемым с

⁸ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему // *Верхи и низы русского национализма* / Сост. А.М. Верховский. М., 2007. С. 35-37.

⁹ Последние на момент написания этой статьи данные представлены в: *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году*. М., 2014. С. 128-139. Практически одновременно с «Совой», продолжившей работу Центра «Панорама», мониторинг начало Московское бюро прав человека и вело до недавних пор. Из-за методологических разногласий цифры двух организаций не совпадали, но если эти разногласия учесть, то тренды выявляются одни и те же.

¹⁰ Важное методологическое примечание: конечно, не все преступления ненависти, отмеченные в мониторинге Центра «Сова», совершены именно ультраправыми, но доля их очень велика из-

2004 года, за это время общее количество известных потерпевших выросло с 270 до 715 в 2007 году и 615 в 2008-м, из них количество убитых – с 50 до 93 в 2007-м и 116 в 2008-м. Даже если принять эти цифры за реальную, а не сильно заниженную оценку, все равно картина выглядела ужасающе даже на фоне наименее благополучных европейских стран в их худшие послевоенные моменты – например, Великобритании 80-х или Германии 90-х.

Полиция долгое время отказывалась рассматривать происходящее как специфическую проблему, требующую повышенного внимания, но постепенно, похоже, под давлением политического руководства, ситуация начала меняться. Если в 2004 году за преступления ненависти, квалифицированные как таковые¹¹, было осуждено 26 человек, то последующие четыре года их число колебалось между 60 и 110, а в 2009 году составило уже 130 осужденных. Если учесть, что следствие, грубо говоря, тянется в среднем около года, это означает, что в 2004 году полиция начала мобилизовываться, а с 2007 года уже только наращивала усилия. Однако в начале этого периода, а субъективно для многих – даже и ближе к его концу, риск сесть за борьбу за «белую революцию» воспринимался как низкий и не очень останавливал молодых и идейно мотивированных участников движения.

Нет достаточных оснований утверждать, что полиция или спецслужбы культивировали группы боевиков, но было и есть немало фактов, когда отставные, а порой и действующие сотрудники силовых структур в таких группах участвовали. Что не могло не внушать радикалам некоторый оптимизм. Реакция широких масс граждан, вероятно, была для радикалов не столь значимой, но нельзя было не заметить и определенной амбивалентности в восприятии гражданами расистского насилия¹².

Милитантная националистическая среда по-прежнему состояла в первую очередь из небольших локальных групп, общающихся друг с другом лишь эпизодически, даже в пределах больших городов. Но у этой сетевой структуры, нелегальной по своей сути, были и легальные элементы.

Ими отчасти являлись политические националистические организации, в которых можно было и не состоять, но в них можно было захаживать (формируя собственное, обычно весьма негативное – пренебрежительное и/или подозрительное – отношение к политическим лидерам и активистам). Зато политические лидеры

за особенностей мониторинга, так что общие тренды полнее применимы именно к насилию ультраправых групп.

¹¹ Здесь и далее речь не идет о людях, осужденных за какие бы то ни было высказывания, но только за насильственные преступления, и только о тех, чьи деяния были квалифицированы судом по соответствующим статьям УК (от побоев до убийства) с признанием мотива ненависти. В этой части статистика Центра «Сова» может считаться почти точной, судя по выборочному сравнению с официальными данными, которые Россия предоставляла в ООН.

¹² Об этом немало написано в: Шнирельман В. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. М., 2011.

все время ощущали около себя эту доминирующую по численности настороженно наблюдающую среду, что на этих лидеров не могло не влиять.

Но еще в большей степени легальными элементами для радикальной сети становились спортклубы. Это могли быть простые «качалки», но все чаще и чаще это – клубы тех или иных боевых искусств. Позже к ним добавились некоторые военно-патриотические клубы. Иногда они были сами сильно идеологизированы, иногда скорее терпели боевых неонаци. Но, так ли иначе, эти клубы давали дополнительные возможности, и не только в собственно боевой подготовке. Не менее важной оказалась возможность агитации среди молодежи¹³.

Надо сказать, с тех пор формы бытования праворадикального движения мало изменились.

Трансформация насилия на его пике, середина и конец 2000-х

Своего рода апофеозом победительного поведения бывших и действующих нацискинхедов стала деятельность Национал-социалистического общества (НСО) Дмитрия Румянцева в 2005–2007 годы. НСО практически не таясь совмещало систематическое насилие, включая многочисленные убийства¹⁴, открытую пропаганду такого насилия (здесь и стал заметной фигурой известный ныне Максим (Тесак) Марцинкевич) и собственно неонацизма и попытки не только проводить легальные акции, но даже участвовать в выборах. На «Русском марше» 2007 года колонна сторонников НСО по численности достигла основной колонны – ДПНИ. НСО на глазах продвигалось в лидеры праворадикального сектора. Но осенью 2007 года организация раскололась, затем полиция разгромила все ее активные группы, а не разгромленные либо ушли из НСО, либо вообще свернули активность. В 2008 году уже нельзя было не видеть, что полиция арестовывает праворадикалов сотнями, что власти не готовы далее терпеть столь открытого насилия.

С другой стороны, насилие против этнических меньшинств не приводило ни к каким положительным, с точки зрения адептов этого насилия, результатам: количество «нерусских» (чтобы не пользоваться более распространенными в этой среде обобщающими категориями) явно не сокращалось, наоборот, в обществе в целом распространялись все более фантастические представления об их «экспансии»¹⁵. Иначе говоря, достаточно массовые преступления ненависти не «спасают Россию».

¹³ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему. С. 35-37, 51.

¹⁴ О деятельности самой жестокой группы, НСО-Север, много писали в СМИ. См., например: Герасименко О., Шмараева Е. Дело тринадцати // Власть. 25 июля 2011. <http://www.kommersant.ru/doc/1681380>. Последнее посещение 8 мая 2015. Но в НСО и другие группы не могли считаться мирными.

¹⁵ Можно сослаться на данные опроса РОМИР, охватившего 1000 человек по России и 600 по Москве и проведенного в мае 2013 года по заказу международного академического проекта

Конечно, остается другой, не менее значимый, мотив – самореализация (и даже самовоспитание) через насилие идейно мотивированных радикалов. Несколько позже этот мотив, особенно в движении NS/WP¹⁶, стал рассматриваться чуть ли не как основной, а в наиболее крайней форме доходил до чистого идейного человеконенавистничества (субкультурная мода *people hate* нашла яркое выражение в деятельности иркутских «молоточников»¹⁷). Мотив самореализации, «воспитания воина», который можно понимать и просто как личный приоритет хулиганского насилия, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Без него массовое ультраправое насилие вряд ли вообще было бы возможно, тем более в ситуации, когда к поставленным целям не удается приблизиться ни на йоту.

И все же политически рациональное целеполагание остается не менее необходимой компонентой. Соответственно, примерно с 2005–2006 годов в публичных дискуссиях в наиболее радикальных кругах (а тогда дискуссии в интернете казались участникам куда более безопасным делом, чем позже – на рубеже десятилетий или сейчас), стала все активнее обсуждаться та простая мысль, что насилие, чтобы стать эффективным, должно стать более сфокусированным, а именно направленным против властей и против идейных оппонентов, а не против «таджикских дворников», относительно которых участники дискуссии констатировали, что истребить их просто невозможно¹⁸. Более того, уже тогда были отмечены и первые попытки атаковать «систему»¹⁹.

«Нациестроительство и национализм в современной России». Согласно этим данным (еще целиком не опубликованным), на вопрос о количестве мигрантов в городе 23 % москвичей оценили его в диапазоне от 60 % до 80 % населения, а назывались иногда и еще большие доли.

¹⁶ NS/WP (National Socialism / White Power) – бренд, объединявший несколько группировок, связанных друг с другом преимущественно заочно, через интернет-форум NS/WP, привлекавший самые крайние элементы неонацистского движения. Видимо, самая активная из этих групп, NS/WP «Невоград», на момент написания статьи находится под судом. См. подробности в статье и по ссылкам от нее: Судебные прения по делу членов NS/WP в Санкт-Петербурге // Центр «Сова». 18 апреля 2014. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2014/04/d29372/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

¹⁷ Начался суд по делу иркутских «молоточников» // Центр «Сова». 10 сентября 2012. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2012/09/d25258/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

¹⁸ Разумеется, еще с 90-х существовали группы, которые непрерывно носились с идеями заговора, направленного на осуществление переворота, в том числе с использованием террористических методов. Достаточно упомянуть группировку Квачкова. Но все это происходило скорее в сталинистской, чем в ультраправой традиции. Ситуация стала меняться именно в середине 2000-х. В 2005 году, например, в интернете стала широко распространяться опубликованная еще в июне 2004 года статья Александра Севастьянова «С почином, друзья!», посвященная убийству Николая Гиренко. Ряд других примеров приведен в: Чарный С. Расизм, ксенофобия, антисемитизм, этническая дискриминация в Российской Федерации в 2005 г.: обзорный доклад Московского бюро по правам человека // Портал Credo. 2006. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=1357>. Последнее посещение 8 мая 2015.

¹⁹ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 и первой половине 2006 // Русский национализм: идеология и настроение / Сост. А.М. Верховский. М., 2006. С. 12-14.

Конечно, нападения на «дворников» отнюдь не прекратились, поскольку все же на них нападать неизмеримо легче и безопаснее, чем на представителей «системы» (полицейских, судей, тем более – высокопоставленных чиновников) или даже на боевых антифа, которые также фигурировали как правильный объект сфокусированного насилия. Количество таких традиционных атак, согласно данным Центра «Сова», стало снижаться только начиная с 2009 года: тогда было зафиксировано около 540 жертв, из которых 94 погибли. Далее количество жертв неуклонно снижалось по 2012 год, причем количество убитых снижалось опережающими темпами. В самом «благополучном» 2012 году число зафиксированных жертв упало до 210, из которых 19 были убиты.

Необходимо обсудить основные версии, которые могли бы объяснить этот спад, но сперва следует остановиться на двух характернейших приметах националистического насилия второй половины 2000-х – это подпольный наци-терроризм и уличная война с антифашистами.

В правовом отношении граница терроризма и преступлений ненависти не вполне четкая. В плане правоприменения российские правоохранительные органы ориентируются обычно на применяемые средства и на тяжесть последствий, но считать это закономерностью затруднительно. Западный опыт тоже кажется в этом смысле последовательным (например, антирасисты Великобритании протестовали, когда взрыв, организованный боевиками BNP (Британской национальной партии), не был квалифицирован как теракт – в отличие от аналогичных акций ИРА). Поэтому вопрос, кого из боевых националистов относить к террористам, вряд ли может иметь однозначный ответ. Для целей этой статьи удобно будет называть террористами тех, кто совершает нападения с целью устранить именно политических и идеологических противников, дабы оказать давление на власти или политические/общественные движения, за вычетом практики уличной войны (даже если действия сторон в ней не вполне симметричны; об уличной войне см. ниже), а также тех, кто совершает иные нападения, в первую очередь с расчетом на то, чтобы оказать давление на власти или на граждан в целом (а не на те или иные меньшинства, на что направлены, по сути, все преступления ненависти).

Разные боевые группировки неонаци в большей или меньшей степени эволюционировали от преступлений ненависти к терроризму. Например, петербургская группировка наци-стрейтэджеров Mad Crowd Дмитрия Боровикова и Алексея Воеводина трансформировалась в организованную подпольную группу. Но совершенные ими убийства невозможно назвать терактами, кроме разве что убийства в 2004 году Николая Гиренко, ученого и эксперта, много выступавшего в судах, да и оно могло быть мотивировано скорее прагматическими соображениями или мстью. А вот упоминавшийся взрыв на Черкизовском рынке имел целью явно не собственно убийство торговцев-«иногородцев»: в той ситуации не могли не погибнуть и вполне славянские покупатели. (Подрывники, конечно, морально принимали это, поскольку идея пренебрежения, по меньшей мере, «белыми ово-

щами», ничего не делающими для «защиты белой расы», уже достаточно широко распространилась в кругах ультраправых.) И группа Королева ставила перед собой определенно террористическую цель: запугать общество в целом, по крайней мере, в масштабе столицы.

В 2009–2010 годы ультраправый терроризм становится действительно заметной тенденцией²⁰. Было зафиксировано некоторое количество атак на полицейские участки с использованием бутылок с горючей жидкостью и т.п. Часть атак осуществляли ультраправые, часть – ултралевые, часть – неизвестно кто. Все атаки, которые могут быть отнесены к ультраправым, не были действительно опасными для жизни сотрудников, но скорее это следует отнести на счет низкой квалификации террористов, чем на счет их гуманности. Все чаще возникает у ультраправых тема «городской герильи», обычно присущая крайне левым. Кроме беспартийных по сути «приморских партизан» в этой среде стали популярны «орловские партизаны» – группировка, отчасти состоявшая из офицеров и курсантов ФСБ, отчасти – из молодых уличных неонаци. Но популярность идеи терроризма не раз приводила, конечно, и к тому, что кто-то от имени ультраправых брал на себя ответственность за теракты, которых они не совершали.

Насколько сейчас можно судить, в наиболее полной степени террористической могла бы быть названа группировка под названием «Боевая организация русских националистов» (БОРН), которая на момент написания статьи ожидает суда. Эта группировка (точнее, несколько сотрудничавших друг с другом людей человек из разных групп), действовавшая в 2008–2009 годы, была очень интересным альянсом «стариков» из наци-скиновского движения, их сравнительно молодых последователей, «политических националистов», стремящихся трансформироваться из неонаци в респектабельных националистов, и их единомышленников, уже строящих свою личную «мирную» карьеру. Человеческий диапазон участников варьировал от ветерана известной скиновской группировки «ОБ-88» Михаила Волкова, отсидевшего за погром на рынке «Царицыно» в 2001 году, до Ильи Горячева, лидера организации «Русский образ» (РО), явно не боевика²¹. (РО был попыткой вырастить большую националистическую организацию как более лояльную альтернативу ДПНИ, но на той же базе – бывших и действующих наци-скинов. Попытка давала неплохие результаты, но рухнула именно из-за наличия «боевого

²⁰ Она же. Под знаком политического террора: радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году М., 2010. С. 9-13; Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М., 2011. С. 9-12.

²¹ Полная история БОРН пока не написана и во многом неясна (некоторые атаки, вероятно, были совершены другими группами с использованием громкого бренда). Наиболее полными, хотя и с некоторыми погрешностями, описаниями, можно считать: Козлов В., Туманов Г. Вскрытие БОРНа // Лента.ру. 17 февраля 2014. <http://lenta.ru/articles/2014/02/17/born/>. Последнее посещение 8 мая 2015; Отдел расследований. «Правый сектор» России // Новая газета. 22 апреля 2014. <http://www.novayagazeta.ru/inquests/63313.html>. Последнее посещение 8 мая 2015.

крыла»²².) БОРН совершил несколько громких нападений. Некоторые следовало отнести к жанру уличной войны (см. об этом ниже) – убийства известных боевых антифа Федора Филатова, Ильи Джапаридзе и Ивана Хуторского, а также члена группировки «Черные ястребы»²³ Расула Халилова. Другие же носили несомненно террористический характер – подбрасывание отрезанной убийцами головы таджикского рабочего в один из муниципалитетов, убийства известного левого адвоката Станислава Маркелова²⁴ и федерального судьи Эдуарда Чувашова, осудившего незадолго перед тем группировку «Белые волки» и подвергшегося активной травле со стороны ультраправых.

Итак, ультраправые террористы совершили довольно мало серьезных нападений на представителей государства, да и на своих политических противников тоже, если не учитывать тех, кого они сами относили к антифа. (Как и убийство Ги-ренко, нападения на других экспертов или угрозы им носили скорее прагматический характер: эти люди воспринимались как источник опасности.) А после 2010 года, как будет показано ниже, приоритеты у боевой части ультраправых опять изменились.

Резюмируя сказанное, следует признать, что террористическая активность лишь в очень малой степени отвлекала боевую часть ультраправых от обычных преступлений ненависти. Хотя часто встречавшиеся в публичных дискуссиях в этой среде рассуждения о практической бесперспективности нападений на представителей меньшинств и о предпочтительности террористической борьбы могли оказать на часть аудитории расхолаживающее действие: на меньшинства нападать бесполезно, а на власти – страшно. Зато в рассматриваемый период сама собой возникла другая, и гораздо более доступная, замена нападениям на представителей этнических меньшинств – нападения на идейных оппонентов и другие стилистически неприемлемые группы молодежи.

Конечно, такой объект агрессии существовал практически с самого момента появления движения наци-скинхедов, так как уличное противостояние разных молодежных субкультур и просто разных группировок – это обычное явление. Например, до массового распространения в последние годы наци-рэпа одним из

²² Группировка, созданная в 2003 году с заметным участием наци-скинхедов, все годы своего существования пыталась сочетать привлечение юных неонаци и продвижение к более уважаемым формам активности. «Русский образ» еще ждет своего историка, но см., например: Кожевникова. Под знаком политического террора. С. 19-20; Юдина Н. Рыцарь «Русского образа» // Грани.ру. 14 мая 2013. <http://grani.ru/blogs/free/entries/214636.html>. Последнее посещение 8 мая 2015; Horvath R. Russkii Obraz and the Politics of «Managed Nationalism» // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. № 3. P. 469-488.

²³ Группировка «Черные ястребы» – единственный пример группировки кавказской молодежи в Москве, которая активно копировала тогдашний стиль действий неонацистской группировки: они нападали на выглядящих по-славянски парней, избивали их, снимали все это на видео и публиковали в интернете от имени своей группы. Обычно антирусские действия групп кавказской молодежи были далеко не столь систематическими. «Черные ястребы» были арестованы и осуждены.

²⁴ Убитая при этом молодая журналистка Анастасия Бабурова явно не была целью нападения.

типовых объектов нападения были именно слушатели рэпа и хип-хопа. Но объектами атак могли становиться практически любые субкультурные группы: например, скейтеры или велосипедисты. Полукриминальные группировки тех же рэперов могли выступать в качестве адекватного и порой вполне успешного²⁵ уличного противника, но это была все же не идеологическая, а субкультурная уличная война.

Ситуация изменилась, когда в 2005–2006 годах в панковской, скинхедской (а позже и стрейтэйджерской) среде преимущественно субкультурное противостояние наци-скинхедам трансформировалось в преимущественно идеологическое – левое и/или антифашистское. Конечно, субкультурные элементы никуда не исчезли. И конечно, антифашистское движение в целом – это далеко не только боевые группы преимущественно субкультурного происхождения, обычно называемые «антифа» (антифашистское движение как таковое – совсем не тема данной статьи). Но именно тогда сформировалась среда антифа, уличная война с которой стала для многих боевых ультраправых важной частью их силовой деятельности (а для кого-то – и наиболее важной; см., например, само название группировки «Анти-антифа»).

Не представляется возможным оценить потери в этой войне с обеих сторон, так как стороны по понятным причинам были и остаются ничуть не привержены адекватному информированию общественности об этих потерях. Например, в мониторинге Центра «Сова» такая группа жертв неонаци, как антифашисты, левые и разные субкультурные группы, резко выделяется уже в 2005 году, достигает количественного пика в 2007-м (200 жертв, из них 5 убиты), а уже в 2008-м количество потерпевших снижается примерно вдвое и дальше понемногу и почти равномерно идет вниз, а в 2013 году падает почти до нуля. Что касается 2013 года, то тут разные наблюдатели согласны в том, что уличная война практически прекратилась с обеих сторон. Причин у этого удивительного феномена наверняка несколько, но одна из них – снижение активности антифа из-за давления на них со стороны властей, а вторая – определенная переориентация ультраправых, о чем речь пойдет ниже. Но вот снижение известного нам количества жертв в далеко не благополучных 2008–2009 годах (когда были убиты многие заметные антифашисты) проще объяснить не реальным снижением боевых потерь, а изменением стратегии информирования общественности об этих потерях.

Потери со стороны ультраправых никто не пытался до сих пор оценить, но легко предположить, что сотни потерпевших с одной стороны означают сопоставимое количество потерпевших с другой. Это противостояние оказалось гораздо более систематическим для ультраправых, чем столкновения «стенка на стенку» с группами молодежи кавказского происхождения (пик таких столкновений в Москве пришелся на 2007 год, когда массовая драка случилась летом даже под

²⁵ Тарасов А. Скинхеды в условиях внешнего давления: случай Набережных Челнов // Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Сост. А.М. Верховский. М., 2005. С. 166-174.

окнами Администрации президента), не говоря уж о других противниках. Когда сами боевые антифа говорят, что их насилие сократило количество расистского насилия на улицах, это верно хотя бы в том смысле, что антифа оттянули на себя значительную долю агрессии ультраправых. Мы не можем делать никаких количественных оценок, но можно предположить, что это противостояние было весомой в количественном плане альтернативой обычным нападениям на представителей этнических меньшинств и вносило существенный вклад в сплочение и самоидентификацию боевой ультраправой среды.

В этом смысле иные насильственные альтернативы – обсуждавшийся выше терроризм, а также нападения на бездомных, на представителей сексуальных меньшинств, на националистов-оппонентов и т.д. – могут считаться не столь существенными.

Попытки политизации насилия начиная с 2010 года

Уличное насилие и даже террористические акции для большинства ультраправых никогда не были самоцелью, что бы ни думать о личных хулиганских мотивах нападавших. Всегда предполагалось, что деятельность националистического движения, в том числе и силовая, должна привести к большим политическим переменам. По мере разочарования в путинском режиме все чаще и шире распространялась мысль, что эти перемены могут носить только революционный характер. В неонацистской среде разговоры о грядущей «белой революции» носили уже просто фоновый характер – для кого-то мобилизующий, для кого-то утешающий. Основным препятствием для «белой революции» оставалась пассивность основной массы этнического русского населения, поэтому попытки революционизировать его или хотя бы как-то политически мобилизовать всегда были важнейшей задачей националистов.

В 2000-е годы самым популярным способом стала «раскрутка» криминальных эпизодов, в которых стороны имели разную этничность и «наши» пострадали от «не наших». Образцовой можно считать кампанию 2005 года в защиту Александры Иванниковой²⁶: тема защиты от насильника была подменена темой защиты от «кавказца». Но в том случае, как и во многих подобных, речь шла только о политической мобилизации.

Ближе к революционной мобилизации оказалась ситуация, при которой, собственно, возникло ДПНИ в 2002 году: в ответ на ножевое ранение в драке, нанесенное армянином, некая группа устроила в городе Красноармейске Московской области полноценный армянский погром. За погромом последовали митинги и попытки защитить погромщиков, привлечшие много националистических акти-

²⁶ Кожевникова. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 и первой половине 2006. С. 20.

вистов²⁷. Впоследствии из этих элементов (с небольшими вариациями) составлялось немало подобных историй в самых разных городах России²⁸, самыми известными из которых стали беспорядки в карельском городе Кондопога в 2006 году²⁹. Во всех этих случаях сами ультраправые не были основным субъектом насилия и играли преимущественно политическую роль. После Кондопоги они также активно пытались сами инициировать подобные события, и такой деятельности авторы Центра «Сова» придумали специальное название – «кондопожская технология».

Впрочем, надо признать, что успехи националистов на этом направлении были весьма скромны:

Во-первых, местные жители и в ситуации локального кризиса не испытывали большого доверия к националистическим ораторам.

Во-вторых, местные власти после Кондопоги повсеместно стали серьезнее относиться к перспективе беспорядков.

В-третьих, погромная мобилизация срабатывала только в небольших населенных пунктах, где «все друг друга знают», а иначе ей препятствовала городская атомизация общества. Так что если какая-то масса и мобилизовывалась, она оказывалась совершенно незначительной в масштабе города (примером для этих соображений могут служить, например, события в Ставрополе в 2007 году³⁰).

В-четвертых, какие-то группы местных, конечно, могли быть склонны к насилию, но если события выходили на более массовый уровень, то масса жителей предпочитала погрому договоренности с местными властями. В случае успеха, например, выселения «мигрантов» (а это случалось не раз) можно было говорить об успехе национализма, но националистические организации мало что выигрывали, и уж точно ни на шаг не приближалась «белая революция».

Решением могла бы быть опора на какую-то значительную массу граждан, не вполне идеологизированных, но склонных к расизму и насилию. Но такие граждане пока не позволяли себя мобилизовать в достаточно массовом порядке. Например, ежегодно в День десантника наряду с иным хулиганским насилием совершается немало нападений с явно расистской мотивацией, но ультраправые не могут извлечь из этого никакой выгоды.

Более перспективной в этом плане средой могли бы быть организованные футбольные хулиганы (именно их я далее буду называть «фанатами»), чтобы отли-

²⁷ Чесноков В. «Секретные» беспорядки в Подмосковье // Новые Известия. 9 июля 2002; Красноармейск прославился // Городок (Красноармейск Московской области). 12 июля 2002; Разбор полетов: интервью с начальником Красноармейского отдела милиции К.В. Кудояровым // Там же. 2 сентября 2002.

²⁸ О них можно прочесть по всех годовых докладах Центра «Сова»: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>.

²⁹ См., например: Юрчишин Л. Анализ коллективного насилия в Кондопоге // Расизм, ксенофобия, дискриминация: какими мы их увидели... / Под ред. Е. Деминцевой. М., 2013. С. 346-356.

³⁰ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2007 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году. М., 2008. С. 23-25.

читать от остальных болельщиков, в том числе и склонных к хулиганству). Среди фанатов широко распространены расистские настроения и ультраправые идеи, а «фирмы» фанатов являются хорошо организованными структурами, по своей «боевой мощи» явно превосходящие сообщества наци-скинхедов и им подобные. Но проблема для ультраправых заключается в том, что фанаты действуют в пределах своих структур, к структурам боевых ультраправых относятся обычно без особого почтения (считая их менее крутыми). Наконец, фанатские «фирмы» уже перестали быть вполне маргинальными группировками, и какими бы расистами ни были многие из них (а у многих есть и серьезный «боевой» бэкграунд в этом смысле), организационные связи с неонаци рассматриваются как сомнительные. Конечно, многие фанаты в личном качестве состоят в ультраправых группировках, есть и довольно идеологизированные расистские группы фанатов, многие фанаты могут спланировать в противостоянии фанатам северокавказских клубов. Но при всем при этом и речи быть не может о том, чтобы ультраправые могли мобилизовать фанатские «фирмы».

В 2010 году ненадолго показалось, что это может быть не так. Гибель в уличной драке ультраправого спартаковского фаната Егора Свиридова мобилизовала и ультраправых, и фанатов. А главное, 11 декабря значительная часть фанатского молодняка не послушалась своих лидеров и пошла на политический митинг на Манежной площади, организованный самыми разными ультраправыми группами, преимущественно автономными неонаци, тесно связанными с молодой фанатской средой. Митинг быстро превратился в нападения на «инородцев», а затем и в битву с ОМОНОм, которая, что очень важно, закончилась вничью.

Эта акция, известная с тех пор как «Манежка» или даже «восстание "Спартак"», произвела сильнейшее впечатление. Впервые «кондопожская технология» сработала в большом городе. И не в каком-нибудь, а в столице. Наконец, удалось мобилизовать фанатов. И масса числом около трех тысяч человек (по моей консервативной оценке; чаще говорили о пяти тысячах), которую ОМОН не смог отогнать от стен Кремля, внушала надежду, что в следующий раз удастся собрать еще большую массу – и тогда Кремль падет. О такой перспективе как об угрозе или о надежде писали десятки авторов. А молодые группы наци-автономов создали неформальное «Движение 11 декабря», задачей которого было пытаться снова и снова повторить «Манежку» в надежде на скорый успех «белой революции».

Но все оказалось не так просто. Множество попыток проваливались одна за другой, и движение постепенно заглохло. Дисциплина в фанатских фирмах была восстановлена; не срабатывали никакие поводы, включая убийство героя русских националистов бывшего полковника Буданова; полиция тоже не повторяла оши-

бок 11 декабря³¹. Приходилось признать, что «Манежка» была исключительным событием, а не началом «белой революции».

Одновременно, 2010–2011 годы характеризовались, как кажется, некоторым сдвигом в отношении общества к идеологизированному насилию. Мне неизвестны социологические исследования по этому вопросу, но можно отметить некоторые явления, которые позволяют говорить о таком сдвиге.

Во-первых, легитимизация этнической ксенофобии, постепенно шедшая все 2000-е годы, должна была в какой-то момент прийти и до хотя бы частичной реабилитации насилия в глазах как основной массы граждан, так и активной части общества. Распространившийся летом 2010 года в Москве лозунг «Война в твоём городе» (связанный с гибелью в драке другого фаната) отражал этот процесс. Отзывы на насилие в ходе «Манежки» тоже не были однозначно негативными даже в оппозиционной и не националистической среде.

Во-вторых, затяжная уличная война неонаци и антифа в эти годы начинает шире освещаться в прессе, и освещение это в ряде случаев предполагало оправдание или даже легитимацию боевых действий антифа. Демократически ориентированная часть общественности стала еще благосклоннее к последним, когда они показали себя как участники оппозиционной деятельности. После акции у администрации города Химки, когда по зданию стреляли из травматических пистолетов, были арестованы двое участников, и, надо сказать, как раз не те, кто должен был нести ответственность за применение силы. В результате общество обсуждало скорее не силовую акцию в Химках, а произвол полиции в отношении антифа.

В-третьих, произвол полиции как таковой вызывал в последние годы уже столь высокую степень общественного неприятия, что ответное насилие или месть воспринимались со все большим сочувствием. Достаточно вспомнить довольно амбивалентную реакцию на историю «приморских партизан». Конечно, даже в радикальных молодежных субкультурах лозунг «Убей мента!» обычно не воспринимается буквально, но для нас важно то, что в обществе в целом он стал восприниматься явно менее негативно, чем иные призывы к убийству, в том числе и к убийству «инородцев».

В-четвертых, демократически ориентированная общественность возмущалась силовыми акциями прокремлевских «молодежек»³². Но это возмущение не перерастало в обсуждение темы идеологизированного насилия в целом. Зато для более широкой публики, насколько она вообще была в курсе таких силовых акций, последние выглядели как косвенная легитимация насилия со стороны власти.

³¹ События, связанные с «Манежкой», описаны в: Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М., 2011. С. 24-29; Альперович В., Юдина Н. Зима 2010–2011 гг.: декабрь и его последствия // Центр «Сова». 12 апреля 2011. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/04/d21371/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

³² Достаточно прочитать главу о «России молодой» в: Лоскутова Е. Юная политика. М., 2008. С. 363-376.

Суммируя, можно сказать, что общественность постепенно повышала в эти годы свою толерантность к насилию. В частности, это, несомненно, было связано с часто обсуждавшейся темой бесперспективности «разрешенного протеста»; впечатляла также уступчивость властей в ситуации массовых акций, сопровождающихся в той или иной степени применением силы, будь то «Манежка» или перекрытие автотрассы в Пикалево³³.

В этой ситуации следует скорее удивляться, что протестное движение, начавшееся в декабре 2011 года, было настолько ненасильственным, хотя оно и началось с прорыва полицейских кордонов после митинга 5 декабря. Видимо, сказало включение в протест большого количества далеко не радикально настроенных граждан, что и сделало протест массовым.

Начало протестного движения создало для ультраправых чрезвычайно сложную ситуацию. Во-первых, численность протестных митингов и шествий далеко превзошла численность «Русского марша», переводя националистов из статуса лидеров (хотя бы в количественном плане) уличного протеста в статус одного из его не самых важных компонентов. Во-вторых, подавляющее большинство ультраправых, включая подавляющее большинство тех, кто практиковал насилие, в протестном движении не участвовало, так как не могло маршировать рядом с либералами и левыми, что привело к критическому падению авторитета политических лидеров национализма. В-третьих, на фоне массовых протестов скромные террористические акции, неудачные попытки «устроить кондопогу» и, более того, уличные расистские нападения стремительно утрачивали всякий смысл.

В самом протестном движении националисты кое-чего смогли добиться³⁴, но это не является предметом данной статьи. Тем более, что, в конце концов, само движение существенно ослабло, а с момента операции по присоединению Крыма в марте 2014 года националисты (как и многие левые) оказались полностью разделены с либерально-ориентированной основной массой «протеста».

Для нашей темы интереснее то, что и находясь внутри протестной коалиции, националисты не только не были добросовестными союзниками, но и проявляли прямую физическую агрессию. И речь не о неизбежных стычках с левыми антифашистскими группами и ЛГБТ-активистами, а о двух вполне сознательных и организованных попытках штурмом взять сцену митинга. Руководство движения «Русские» тем самым показало, что мечта о претворении оппозиции режиму в «белую революцию» понимается ими весьма буквально. Это «национально-осво-

³³ Жители города Пикалево перекрыли в июне 2009 года трассу из-за обострения социально-экономических трудностей в городе. Никаких идеологических мотивов в этих действиях не было. История эта примечательна не только мирным исходом, но и молниеносным визитом Путина в Пикалево с последующей выплатой денег населению.

³⁴ Альперович В., Юдина Н. Ультраправые на улицах: с плакатом за демократию или с ножом в кармане: ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2012 году в России // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году. М., 2013. С. 18-30; они же. Праворадикал расправил плечи // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году. М., 2014. С. 35-36.

бодительное», в отличие от «национал-демократического», крыло политических националистов, участвовавших в протесте, выказало верность своим представлениям о насилии как форме радикальной политики. Другое дело, что применение насилия при столь незначительных силах, какие были в их распоряжении, полностью провалилось.

Не менее интересно, что силовые действия «Русских» не повлекли никаких, в сущности, санкций, да и не обсуждались особо внутри протестного движения. Этому можно найти по крайней мере три объяснения. Первое – эти инциденты были сочтены не столь важными. Второе – многие лидеры протеста продолжали считать, что участие националистов улучшает перспективы оппозиционной коалиции при столь массовой этноксенофобии в обществе.

Но не стоит сбрасывать со счетов и третье объяснение – возросшую терпимость к насилию. В конце концов, штурмы сцены не сопровождались членовредительством. Они по форме мало отличались от прорывов полицейских кордонов, практиковавшихся наиболее решительно настроенными оппозиционерами. И в том, и в другом случае оппонентов почти не били, их скорее сильно толкали. Конечно, грань тут весьма зыбкая, но можно согласиться, что такое умеренное, дозированное насилие стало считаться в значительной части оппозиции вполне приемлемым. Как бы ни было нелепо подавляющее большинство обвинений по «Болотному делу», трудно отрицать, что некоторая часть участников марша 6 мая 2012 г. действительно использовала против полиции такое дозированное насилие, чтобы прорвать цепь на площади. И последующее побоище, как и другие случаи явно чрезмерного применения силы полицией, лишь укрепляют позиции тех, кто одобряет те или иные формы насилия со стороны демонстрантов³⁵.

Возникает впечатление, что в последние годы, в частности, в ходе различных акций 2012 года, общественность привыкала к приемлемости дозированного насилия (разумеется, если речь идет не об оппонентах). Трудно сказать, насколько это соображение применимо к обществу в целом, но учащающиеся случаи широко освещаемого в СМИ безнаказанного дозированного насилия не могут не приводить к этому эффекту. В частности, следует упомянуть умножающиеся «кондопоги», количество которых достигло пика³⁶ в 2013 году.

Что касается собственно националистического движения, вряд ли эти перемены как-то отразились на степени приемлемости насилия внутри него, так как эта степень и так всегда была достаточно высокой. Зато такие перемены в других частях общества позволяли националистам рассчитывать, что насилие с их стороны будет восприниматься как более приемлемое.

³⁵ Я здесь выношу за скобки применение насилия с целью необходимой обороны. Речь в этой статье идет только об инициативном применении политически и идеологически мотивированного насилия.

³⁶ Конечно, насколько можно было судить о пике в момент написания статьи, то есть в марте 2014 года. См. об этом: Альперович В., Юдина Н. Праворадикал расправил плечи. С. 17-26.

Конечно, это не могло относиться к действительно жестокому насилию и, соответственно, к группам, ассоциируемым с таким насилием, а ведь именно эта деятельность, «священная расовая война» (RaHoWa) остается приоритетной и освящается авторитетом «белых героев»³⁷. То, что убийства гастарбайтеров ничего не дают движению, писал из заключения младшим соратникам Никита Тихонов³⁸. Примерно четверть граждан полагает, что русские бьют мигрантов обычно «за дело», но при этом менее 20 % не согласны с тезисом, что группировки типа РНЕ или скинхедов надо просто запретить. Зато около 45 % считают, что «надо поддерживать вооруженные казачьи формирования и подобные им патриотические группы и дружины»³⁹. Конечно, граждане одинаково плохо разбираются и в скинхедах, и в казаках, но они явно предполагают, что есть неприемлемые очень радикальные националисты и приемлемые не очень радикальные националисты, которые насилие применять могут, но без крайностей.

Вряд ли могли пользоваться популярностью террористическая деятельность или уличная война с антифа (как бы граждане ни относились к последним). Иначе говоря, перед движением русских националистов объективно встал вопрос: какие силовые практики могут быть приемлемы для общества и, может быть, даже могут способствовать расширению движения вместо его консервации все в той же среде. Я далек от мысли, что кто-то сознательно выработал стратегию в ответ на этот вопрос. Но объективные изменения в радикальной националистической среде сами подсказали нужную стратегию.

Эта среда очень динамична в своих практиках, так как является преимущественно молодежной, следовательно, больше подвержена эффекту моды, и в ней происходит быстрая ротация поколений. Во-первых, снижался авторитет политических лидеров движения, все более «старых» стилистически для новых возрастных когорт актива и так не могущих предъять политических успехов. Молодежные группы все чаще предпочитали объединяться в сетевые структуры помимо этих лидеров. Ярким примером такой структуры стали «Русские пробежки», возникшие в начале 2011 года, которые выросли из субкультуры straight edge. Во-вторых, слишком наглядны были неудачи организованных структур насилия: эти люди и целые группы становились «белыми героями», но трудно было сказать, чего они добились помимо этого, да и риск оказаться в тюрьме в 2010–2011 годы стал слишком высок, судя по числу осужденных.

В 2012 году удачную альтернативу предложил национал-радикальной молодежи уже упоминавшийся М. Марцинкевич. Его проект «Окупай-педофиляй» по форме напоминал реализованный им до ареста проект «Формат-18»: Марцинке-

³⁷ Королев Н. РОНА: новый этап борьбы // Правые новости. 5 сентября. 2010. <http://news.nswap.info/?p=39936>. Последнее посещение 1 марта 2014.

³⁸ Никита Тихонов о «Третьей позиции», проблемах «правого» движения и анархизме // Блог от имени Никиты Тихонова и Евгении Хасис. 6 сентября 2011. <http://e-hasis.livejournal.com/6106.html>. Последнее посещение 8 мая 2015.

³⁹ Данные уже упоминавшегося опроса РОМИР весной 2013 года.

вич и группа сторонников снимали насилие на видео, призывали других делать подобные ролики и размещали их в интернете. На сей раз объектом насилия стали предполагаемые педофилы, которых ловили «на живца». Особенность проекта состояла в том, что насилие к предполагаемым педофилам применяли, но умеренное, что практически гарантировало от полицейского преследования, тем более, что борьба с педофилами соответствовала провозглашенным государством приоритетам. С другой стороны, даже название проекта пародировало протестное движение, что отвечало запросу большинства молодых националистов, отвергших участие в таковом. Проект оказался весьма популярен именно потому, что выглядел альтернативным, включал насилие и был при этом практически безопасным.

Точно так же совершенно безнаказанными оказались уличные атаки на мероприятия ЛГБТ-активистов, резко участвовавшие в период обсуждения закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» в начале 2013 года. Нападавшие и в этих случаях понимали, что если они не переходят в насилие определенной грань, то остаются в некоей привилегированной зоне безнаказанности⁴⁰.

Но все-таки главным объектом ненависти были и остаются «инородцы». Соответственно, требовалась стратегия дозированного насилия и по отношению к ним. И такая стратегия была – нет, не изобретена, потому что она существовала уже давно, а – популяризована. Речь идет о рейдах по местам проживания предполагаемых «нелегальных мигрантов». Такая практика существовала по крайней мере с начала 2000-х годов, этим сравнительно часто занималось ДПНИ в годы расцвета. Существовали и отдельные группы, специализирующиеся именно на рейдах, причем в координации с правоохранительными органами; в Москве в 2011 году отметились «Светлая Русь» Игоря Мангушева⁴¹ и Лига обороны Москвы Даниила Константинова⁴².

Но именно начиная с 2012 года «рейдовые» инициативы стали стремительно умножаться и особенно активизировались и радикализировались в середине 2013 года на фоне антимигрантской кампании, развернутой в нескольких регионах, включая Москву и Санкт-Петербург⁴³. Очень важно, что основную роль играли теперь активисты нового поколения, не связанные с известными организациями националистов. Активисты рейдов рекрутировались в основном через складывающиеся в социальных сетях группы молодых националистов. Конечно, рейды

⁴⁰ Альперович В., Юдина Н. Госдума указала праворадикалам новые цели // Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в первой половине 2013 года. М., 2013. http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2013/07/d27507/#_Точ360791371. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁴¹ Интересно, что Мангушев до этого был координатором православного движения «Георгиевцы!», известного, в частности, неудачными попытками нападения на геев.

⁴² Вскоре он был арестован по обвинению в убийстве, которое большинство правозащитников считает бездоказательным.

⁴³ См. об этом подробнее: Альперович, Юдина. Праворадикал расправил плечи. С. 26-31.

выросли не на пустом месте. И дело не только в упоминавшемся предыдущем опыте. Можно заметить связи этого нового типа активности с «русскими пробежками». А фанат Алексей Худяков, лидер «Щита Москвы» – самой активной в плане рейдов группировки 2012 года, до этого участвовал в не менее насильственных рейдах «Молодежного антинаркотического спецназа» движения «Россия молодая».

Рейды могли проводиться с участием сотрудников полиции и ФМС или без такового, по неформальному согласованию с ними или без, с большим или меньшим применением насилия. Крайностей в этом плане старались не допускать, но травматическое оружие, биты, кувалды и тому подобные предметы использовались, в том числе и в тех случаях, когда рейд проводился с участием офицеров. Видеозаписи рейдов публиковались в интернете и все более популяризовали их: ведь участие в публичном и безопасном насилии в отношении «инородцев» не могло не привлекать целевую аудиторию этих видео.

Если крайности все же случались, уголовные дела, надо признать, заводили. Уличные погромы, учиненные летом 2013 года в Петербурге в ходе «русских зачисток» (инициированных, надо заметить, по мотивам официальной антимигрантской кампании), все же довели до уголовного дела местного лидера «Русских» Дмитрия (Бешеного) Евтушенко, хотя он даже не был арестован и остается на момент написания статьи под домашним арестом (осенью был арестован другой лидер «зачисток» Николай Бондарик, хотя конкретное обвинение у него серьезнее: инсценировка нападений накануне Курбан-Байрама с целью спровоцировать масштабные столкновения⁴⁴). В Москве после большой драки в одном из иммигрантских общежитий в июне 2012 года лидер «Щита Москвы» и трое его соратников тоже стали обвиняемыми. Но довольно скоро все они вышли из-под ареста, потом Худяков подпал под амнистию и весной 2014 года появился уже среди русских националистов, отправившихся в Украину вести борьбу с ее новым правительством⁴⁵.

Пожалуй, следует признать, что власти очень мягко ограничивали рейдовые инициативы, удерживая их именно в рамках дозированного насилия. Исключений можно заметить три. Первое – попытки перейти к провоцированию беспорядков (дело Бондарика). Второе – слишком активная и, предположительно, реально эффективная пропаганда насилия (дело Марцинкевича, заведенное в ноябре 2013 года, вскоре после беспорядков в Бирюлево Западном). Третье – дело последователей того же Тесака (Марцинкевича), зашедших слишком далеко в своих издевательствах над пойманным ими геем (возможно, второй эпизод связан де-факто с этим третьим). И эти исключения тем самым – и не исключения даже, а

⁴⁴ Санкт-Петербург: задержан и арестован Николай Бондарик. Ему уже предъявлены обвинения // Центр «Сова». 16 октября 2013; 13 февраля 2014. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2013/10/d28176/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁴⁵ Граждане России продолжают митинговать в Донецке за отделение Донбасса // Новости Донбасса. 8 марта. 2014 <http://novosti.dn.ua/details/219773/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

продолжение той же стратегии удержания насилия в допустимой форме, не слишком радикальной и не слишком политизированной.

Рейды и иные формы дозированного насилия представляются и сейчас перспективным направлением деятельности русских националистов. Но надо признать, что уже зимой 2013–2014 годов мы могли констатировать спад этого рода активности, да и активности радикальных националистов в целом. Пока трудно сказать, с чем именно это связано. Возможно, отсутствие положительной динамики и видимых значительных успехов в рейдах все же привело к снижению их популярности, но, возможно, сказались какие-то другие факторы, так что лучше воздержаться от какой-то оценки событий последних месяцев.

Перемены в 2013–2014 годах

И все же в заключение необходимо подвести некоторые важные итоги 2013 года, ну и самого начала 2014-го. Дело в том, что обсуждавшиеся выше тенденции последних лет именно в 2013 году показали довольно неожиданную динамику. Возможно, причиной ее стала антимигрантская кампания, которую вели власти ряда регионов и которая широко освещалась в федеральных СМИ, включая федеральные телеканалы. Можно не сомневаться, что именно эта кампания привела к беспрецедентному росту показателей этноксенофобии. Если раньше эти показатели были высоки, но стабильны, то 2013 год принес существенный рост, особенно в столицах. И это уже политическая проблема для федеральной власти⁴⁶. Но я бы не стал настаивать на простых причинно-следственных связях. Если большинство граждан действительно заметно внушаемо посредством телевидения, то про актив националистов всех уровней этого сказать никак нельзя. Скорее можно предположить некий – пока еще не проясненный – сдвиг в нашем обществе, произошедший сразу на нескольких уровнях.

В 2013 году не только умножались в количестве и становились более публичными антимигрантские рейды ультраправых, но произошло также максимальное количество беспорядков «кондопожского типа». Это всем бросилось в глаза и широко обсуждалось в обществе. Правда, обсуждение было на удивление неравномерным во времени, что как раз можно соотнести с антимигрантской кампанией, которая началась весной и закончилась в середине осени. Беспорядки в Пугачеве летом и, конечно, погромы в московском районе Бирюлево Западное в октябре стали хитами общественной дискуссии, а вот погромы в Арзамасе в декаб-

⁴⁶ Подробнее обо всем этом я писал в: Верховский А. Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // Pro et Contra. 2014. № 1-2. С. 19-33.

ре⁴⁷ прошли практически незамеченными, в том числе и самими националистами.

События в Бирюлеве были особенно важны по трем причинам. Во-первых, впервые после «Манежки» расистские беспорядки произошли в Москве, и протестную массу составляли не фанаты, а обычные местные жители. Но здесь важно учитывать, что Бирюлево Западное – это фактически изолированный анклав на окраине Москвы (считавшийся неблагополучным еще в советское время), так что не совсем корректно было бы утверждать, что погромы произошли в Москве; они скорее были локальным событием этого анклава. Вопрос теперь в том, может ли этот механизм сработать в районе большего размера.

Во-вторых, решающую роль в том, чтобы погромы состоялись, сыграли неформальные сети молодых ультраправых: благодаря им местные неонаци смогли в нужный момент призвать своих единомышленников из других районов, и именно они составили боевой авангард погрома. Но и роль местных жителей нельзя недооценивать: хотя витрины били не они, именно их масса не давала ОМОНу предотвратить атаку двух-трех сотен радикалов. Такой симбиоз весьма выигрышен и возможен как раз только в большом городе, где есть достаточная масса боевых праворадикалов. Другой вопрос, насколько воспроизводим этот успех.

В-третьих, как и после «Манежки», за пределами националистического лагеря звучали голоса не только в осуждение погрома, но и в защиту протестующих от полиции, в осуждение властей, которые, в логике авторов, создали в районе такие условия, что не громить уже просто невозможно. Здесь отчетливо слышалась тоска части не националистической протестной общественности по несостоявшимся собственным боям с полицией (столкновения на Болотной на бои не очень походили), о неизбежности и необходимости которых много писалось в интернет-полемике всего периода массовых протестов и, по моему ощущению, тем больше, чем ниже был уровень реальной протестной мобилизации.

В 2013 году, впервые с 2009 года, мы зафиксировали не спад, а рост (пусть вроде бы и небольшой) числа нападений и даже убийств, количество которых снижалось до того опережающими темпами. Несомненно, это связано с изменением полицейской политики: по соображениям упрощения работы и улучшения показателей правоохранительные органы расследуют все меньше насильственных расистских преступлений и все больше – случаев пропаганды ненависти. По сравнению со 193 известными нам осужденными за насилие в 2011 году, в 2012 и 2013 было осуждено соответственно 65 и 59 человек. Зато за пропаганду за те же годы данные совсем другие – 76, 95 и 131⁴⁸.

⁴⁷ Националистические беспорядки в Арзамасе // Центр «Сова». 10 декабря 2013. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2013/12/d28586/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁴⁸ Подробнее об этом см. открытые базы данных на сайте Центра «Сова» (<http://www.sova-center.ru/database/>), а также статью Н. Юдиной в этом номере *Форума*.

Нельзя, однако, исключить и действия другого фактора – переориентации насилия. Дело в том, что в 2013 году почти сошла на нет уличная война неонаци и антифа. Само по себе сворачивание этой уличной войны вряд ли было инициативой ультраправых (по крайней мере, мне неизвестны никакие свидетельства этого), но зато у них явно освободились ресурсы.

Таким образом, к концу 2013 года можно было констатировать – и сами националисты тоже могли заметить – не драматический, но заметный прирост националистического насилия в разных формах: «традиционные» нападения, рейды, «кондопоги». Люди, ждущие «белой революции», могли надеяться на продолжение и ускорение этой тенденции, могли даже рассчитывать если не на поддержку, то на ту или иную форму нейтралитета не националистической части оппозиции. Хотя скорого прорыва, как после «Манежки», мало кто ждал.

И тут начались массовые столкновения в Киеве⁴⁹, которые воспринимались в российском обществе в двух разных – и по-разному сопоставляемых – ракурсах: как силовое противостояние «народа» и «режима» (кавычки здесь обозначают лишь многообразие интерпретаций этих противостоящих сторон) и как наступление националистов на антинационалистическую власть. Сильно преувеличенные представления о роли «Правого сектора» в киевских событиях⁵⁰ внушали кому-то зависть, кому-то страх, но в целом создавали впечатление, что революция, построенная на уличных боях и ведомая ультраправыми, возможна. Легитимность подобного развития событий в самой России тем самым автоматически повысилась в глазах оппозиционно настроенной общественности (в среднем, конечно, при всех разногласиях в этой среде).

Отношение русских националистов к украинским событиям было, конечно, далеко не однородно⁵¹. Но в контексте данной статьи нас должна интересовать не собственно политическая позиция той или иной националистической группы, а влияние на потенциальную роль насилия в деятельности этих групп. Одни националисты ездили на Майдан как на учебу (трудно пока сказать, участвовали ли в столкновениях, но если и участвовали, то в ничтожных масштабах), другие участвовали в мобилизации пророссийского движения на Востоке и Юге Украины и тем самым были прямо вовлечены в подготовку и реализацию силовых операций, куда более серьезных, чем можно было бы вообразить себе в России. Ни о

⁴⁹ Здесь стоит упомянуть, что за последние годы некоторые российские праворадикалы скрывались в Украине, и вообще Украина была актуальна для многих русских националистов. См. об этом, например, в выступлении Н. Юдиной на конференции в Киеве в 2011 году: Правозащитница из России: Украина становится прибежищем для русских праворадикалов // Украинский Хельсинкский союз по правам человека. 30 мая. 2011 <http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1306749307>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁵⁰ О реальной роли ультраправых на Майдане см.: Лихачев В. «Правый сектор» и другие: национал-радикалы и украинский политический кризис конца 2013 – начала 2014 года // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 75-116.

⁵¹ См. Альперович В. Идеологические баталии русских националистов на украинских фронтах // Россия – не Украина: современные акценты национализма / Под ред. А.М. Верховского. М., 2014. С. 204-212.

каком прямом переносе украинского опыта в Россию сейчас не может быть и речи, но нет сомнения, что украинские события сделали применение насилия чем-то не просто более приемлемым в России, но и более ожидаемым.

Есть тут и еще одна потенциальная угроза. Российские власти, проводя свою украинскую политику, развернули пропагандистскую кампанию против «национал-предателей» внутри страны, за которой, очевидно, должны последовать какие-то практические меры. Одной из таких мер может стать и применение насилия, тем более что физическое давление на избранных людей в оппозиционном лагере практиковалось и ранее. И, конечно, боевые ультраправые – готовые кандидаты для реализации таких акций. Тут возможны и действия по заказу (находится немало оснований думать, что наци-скинхедские группы и раньше выступали в роли наемников), и инициативные действия, рассчитанные на терпимость власти к насилию против «национал-предателей», особенно если оно будет дозированным.

Такие инициативные атаки, причем не в подворотне, а прямо на рабочем месте, и так уже норовят войти в политическую практику. Можно назвать нападение группы «Божья воля» на Дмитрия Давыдова⁵² или нападение питерских ультраправых на ЛГБТ-активистов⁵³.

Конечно, невозможно строить прогнозы будущей динамики насилия, связанного с национализмом. В первую очередь, это невозможно потому, что неясны перспективы самого политического национализма. Уровень этноксенофобии в стране чрезвычайно высок, но высоко и доверие граждан к федеральной власти (особенно после присоединения Крыма), что не позволяет националистам эффективно мобилизовать поддержку своих движений. Эта ситуация может сохраняться довольно много лет, а может если не в любой момент, но в довольно близкой перспективе измениться. В частности, пока невозможно предсказать, как завершится локальный конфликт на востоке Украины и как это отразится на ситуации в России.

Так или иначе, рост этноксенофобии непременно выразится в укреплении, умножении и легитимации тех или иных этнонационалистических инициатив. Вероятно, преимущество в ближайшем будущем получат те из них, кто не будет позиционировать себя как оппозиционные. В частности, мы можем это видеть потому, как успешно регистрируются провластные или хотя бы лояльные к федеральной власти националистические партии, и как это почти совсем не получается у националистических партий оппозиционного толка⁵⁴.

⁵² Православные активисты напали на сотрудника музея ГУЛАГа из-за интервью // Лента.ру. 21 февраля 2014. <http://lenta.ru/news/2014/02/21/davydov/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁵³ Неизвестные в масках обстреляли ЛГБТ-чаепитие на Фонтанке // NEVA. 3 ноября 2013. <http://vchera.com/news/63138/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁵⁴ Этой теме посвящена статья: Верховский А., Струкова Е. Партийное строительство на крайнем правом фланге российского политического спектра // Политические исследования. 2014. № 4. С. 131-151.

У любых таких инициатив может оказаться одновременно и мирная, и боевая стороны (чисто боевые инициативы все же будут подавляться). Конечно, невозможно создание нового НСО, но это и не требуется. Не исключена даже перспектива создания политической партии с боевым крылом, ориентированным на умеренное насилие: в конце концов, наиболее перспективной националистической партией является опекаемая Дмитрием Рогозиным «Родина», а один из ее лидеров, молодой ультраправый Александр Босых известен тем, что публично ударил девушку-пикетчицу. Если такой сценарий реализуется, умеренное политическое насилие будет окончательно легитимировано. Но надо помнить, что граница дозволенного в таких случаях имеет тенденцию постепенно смещаться в сторону большей радикализации.